

Диалоги о российской истории и политике памяти

Организатор: Historians without Borders in Finland (Историки без границ, Финляндия)

При поддержке Совета министров Северных стран

Период реализации проекта: сентябрь 2024 – сентябрь 2025

Партнёры: Шведское историческое общество; Эстонская ассоциация учителей истории и обществоведения; Александровский институт (Aleksanteri Institute), Хельсинкский университет; EuroClio – Европейская ассоциация преподавателей истории

Хельсинки • Стокгольм • Таллин – очно и онлайн

Резюме

Проект *History in Exile* инициирован в ответ на острые проблемы, с которыми столкнулись исследователи, преподаватели и организации, работающие в области политики памяти после полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году. Сегодня история всё чаще используется кремлевскими политиками как инструмент для оправдания войны против Украины, для оспаривания суверенитета соседних государств, а также для подавления независимой мысли внутри страны. В России многие историки и преподаватели лишились доступа к архивам, столкнулись с цензурой или были вынуждены уехать из страны. Основная задача этого проекта – создать пространство для диалога, поддерживать преемственность профессиональной работы историков и укреплять сопротивление общества к использованию истории в политических целях. Он также нацелен на изучение влияния официальной российской политики памяти на соседние страны.

С сентября 2024 по сентябрь 2025 года в рамках проекта *History in Exile* были организованы открытые семинары в Хельсинки, Стокгольме и Таллинне, которые проводились в гибридном формате, с возможностью участвовать очно или онлайн. В мероприятиях приняли участие историки, учителя, журналисты и представители общественных организаций. Семинары сочетали открытые обсуждения с тематическими профессиональными сессиями; это стимулировало дискуссии и обмен опытом между участниками из разных стран. Проект способствовал сохранению русскоязычного профессионального общения историков в эмиграции и создал условия для сотрудничества и взаимной поддержки.

Основные выводы

- **Политика памяти как средство контроля.** Государственные интерпретации прошлого в современной России превращаются Кремлем в средство оправдания собственной политики. Власти сужают пространство для независимых исследований и свободного обсуждения. Однако и в демократических обществах подавление дискуссий о «трудном» прошлом упрощает и искажает исторический нарратив.
- **Эмиграция – слом старой жизни и начало новой.** Несмотря на уязвимое положение, в котором в эмиграции оказались многие русскоязычные историки, они выстраивают новые профессиональные сети, запускают инициативы по оцифровке и развивают международные исследовательские проекты.

- **Постколониальные, деколониальные и плюралистические подходы.** историки пересматривают устоявшиеся исследовательские модели, дают голос маргинализированным социальным группам и критически рассматривают имперские представления, нарративы и схемы объяснения прошлого.
- **Работа с молодёжью.** Новые форматы подачи исторического материала, такие как тематические выставки с использованием мультимедиа, в том числе онлайн, и социальные сети, стали необходимы для формирования исторического мышления в цифровую эпоху. Особого внимания требует русскоязычная молодёжь в северных странах, странах Балтии и в других европейских странах, поскольку она нередко сталкивается с противоречащими друг другу версиями на разных языках и в разных медиа.
- **Образование под давлением.** Независимые преподаватели создают многоязычные ресурсы, которые помогают школьникам и студентам в северных и балтийских странах отличать надежное историческое знание от пропаганды и работать с разнообразной, порой противоречивой, памятью.

Проект обратил внимание на риски политического использования истории и создал основу для следующих инициатив. Развивая диалог, взаимную поддержку и новые формы сотрудничества, проект *History in Exile* показал, что даже в условиях войны и репрессий историческое знание может оставаться критическим, многоголосым и общественно значимым.

Контакт: Historians without Borders in Finland hix@hwb.fi

Website: <https://historianswithoutborders.fi/en/history-in-exile-project>

Отчёт

Проект *History in Exile* возник как реакция на использование государством истории в политических целях в современной России и на давление, с которым после полномасштабного вторжения в Украину столкнулись историки и преподаватели. Подобные пропагандистские практики существовали и раньше, но с 2022 года они усилились и стали играть более важную роль в государственной политике. В современной России история служит инструментом идеологии: школьные учебники, мероприятия по случаю памятных дат и пропаганда в социальных сетях используются для оправдания репрессий, обоснования войны против Украины и для оспаривания суверенитета соседних государств, включая страны Балтии (McGlynn 2023; Bækken 2023; Korosov 2018; Mälksoo 2015). Сегодня эти нарративы становятся важным элементом внешней политики, через них российская власть стремится воздействовать на зарубежные аудитории: формировать их восприятие войны с Украиной или сознательно его исказить (Becker 2020; McGlynn & Đureinović 2023).

В России независимые историки и преподаватели сталкиваются с цензурой, административными ограничениями, закрытием архивов и уголовным преследованием за профессиональную деятельность. Многие были вынуждены уехать из-за репрессий, другие покинули страну добровольно, не желая работать в условиях растущего давления. И те, и другие в эмиграции оказываются в уязвимом положении: с неопределённым правовым статусом, неустойчивой занятостью, без признания своей квалификации и без доступа к профессиональным ресурсам и сетям. Им приходится заново выстраивать исследовательскую и преподавательскую работу в новой академической и культурной среде.

Проект *History in Exile* был задуман как пространство для диалога и обмена знаниями в северных и балтийских странах, где новое историческое знание формировалось в совместных обсуждениях прошлого. Одновременно он стремился объяснить широкой аудитории, как с помощью манипуляций исторические сюжеты могут использоваться в политических целях и как можно защищать точное, добросовестное, основанное на фактах историческое знание.

С сентября 2024 по сентябрь 2025 года в Хельсинки, Стокгольме и Таллинне прошла серия публичных семинаров в гибридном формате, с возможностью участвовать очно или онлайн. Помимо семинаров, проводились тематические профессиональные обсуждения для русскоязычных историков, во время которых участники могли безопасно обмениваться мнениями, опытом и подискутировать.

Эти встречи позволили русскоязычным историкам, оказавшимся в эмиграции, наладить контакты друг с другом и с коллегами из Северной Европы и стран Балтии, а также поделиться своими идеями и опытом с широкой аудиторией. Важным итогом стало сохранение профессионального общения и взаимной поддержки среди историков в изгнании.

Проект стал не просто временной мерой поддержки. Он показал, как меняются условия академической и просветительской работы историка при авторитарном режиме, с какими дилеммами и внутренними противоречиями сталкиваются учёные в изгнании и почему важно более активно противостоять политическому злоупотреблению историей, в том числе в демократических обществах. Эти результаты стали возможны благодаря тесному сотрудничеству с партнёрами по проекту: Шведским историческим обществом, Эстонской ассоциацией учителей истории и обществоведения, Александровским институтом Хельсинкского университета и EuroClio – Европейской ассоциацией преподавателей истории.

Основные выводы

Новые формы действия и общественного влияния

Несмотря на тяжёлые обстоятельства, многие историки, уехавшие из России, находят способы продолжать работу и карьеру в эмиграции. Они рассказали о таких инициативах, как оцифровка архивных материалов, трансграничное сотрудничество и создание новых образовательных платформ, например *Smolny Beyond Borders*.¹ Общественные мемориальные практики также продолжают в эмиграции. Показательный пример – это акция «Возвращение имён», ежегодное чтение имён жертв репрессий, которая превратилась в международное событие.² Эти инициативы поддерживают интеллектуальную преемственность и гражданскую ответственность в условиях жёсткого контроля государством официальных нарративов о прошлом.

Участники сошлись во мнении, что необходимо переосмыслить способы распространения исторического знания. Традиционные форматы, такие как книги и лекции, охватывают ограниченную аудиторию. Молодые поколения гораздо чаще обращаются к истории через цифровые медиа, а не в аудиториях и не через печатные издания. Поэтому историки подчёркивали важность использования более вовлекающих

¹ <https://smolnybeyondborders.org>

² <https://memohrc.org/en/projects/returning-names>

креативных форм подачи информации: интерактивных выставок, мастерских, подкастов, исторических клубов. Однако для того, чтобы привлечь широкую публику, и особенно наиболее юную ее часть, нужно использовать привычные ей форматы: анимацию, компьютерные игры, видеоблоги, короткие видео (reels) и даже мемы. Эти способы уже давно используются пропагандой для воздействия на молодежь, что делает еще более важным и актуальным их ответственное применение историками в образовательных целях.

Этика, безопасность и архивы

Соображения безопасности усложняют работу историков в изгнании. Участники говорили о рисках продолжения исследований и о разных этических дилеммах, прежде всего при сотрудничестве с коллегами, которые остаются в России. В таких ситуациях особенно важно сохранять баланс между ответственностью и рисками для безопасности.

Ещё одна серьёзная проблема связана с доступом к архивам. В России и Беларуси его всё больше ограничивают, прежде всего к фондам, содержащим материалы органов внутренних дел и госбезопасности, в частности – документы о политических репрессиях. После ликвидации «Мемориала» в РФ получить доступ к документам по этим темам стало еще сложнее.³ В то же время, в других странах бывшего СССР возникли альтернативные инициативы: несмотря на сложные условия, архивы, музеи и другие институции, занимающиеся сохранением исторической памяти, продолжают оцифровку и расширяют доступ к советским фондам. Шире распространились и неформальные практики, такие как самостоятельная оцифровка и обмен документами. В целом, это демонстрирует сдвиг в сторону децентрализованной и транснациональной инфраструктуры в работе по сохранению исторической памяти. Параллельно в России усиливается контроль над цифровой средой: ограничивается доступ к онлайн-библиотекам, мессенджерам и социальным сетям. Это затрудняет работу с цифровыми источниками и профессиональную коммуникацию исследователей и подчёркивает необходимость своевременно архивировать уязвимые онлайн-материалы, пока они остаются доступными.

Методологическая рефлексия и адаптация

Для многих историков вынужденная эмиграция стала толчком для критического пересмотра собственных взглядов. Они признают, что яснее увидели колониальные нарративы и имперские допущения, укоренённые в их профессиональном образовании. Некоторые из них пересмотрели программы своих курсов, включив в них тексты женщин-исследовательниц и перспективы меньшинств за пределами имперских центров (нерусскоязычных народов, регионов, долго находившихся в подчинённом положении). Меняется язык описания прошлого: ставится под вопрос устоявшаяся терминология, заново формулируются исследовательские вопросы. Деколонизация понимается не как доктрина, а как непрерывная методологическая работа.⁴

³ <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2022-03-03/liquidation-memorial>; <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/suprun-v-russia/>; Haskins 2023.

⁴ В этом отчёте деколонизация понимается не как обретение политической независимости, а как совокупность исследовательских и педагогических практик: критический пересмотр унаследованных рамок, дающих преимущество имперской/центральной перспективе, и целенаправленное включение ранее маргинализированных голосов и источников (Mälksoo 2023; Bekus 2022; Tlostanova 2018).

Профессиональное выживание часто требует импровизации от историков в эмиграции. Часть из них находит неакадемическую работу: преподавание в школе, переводы, редактирование текстов, а научные исследования продолжает в неформальных объединениях, в свободное время. Интеллектуальную жизнь поддерживают читательские группы, онлайн-семинары и совместные публикационные проекты. Исследовательские интересы смещаются к устным историям эмигрантских сообществ, сравнительным региональным исследованиям с использованием источников за пределами России, а также к экспериментам в цифровых и визуальных форматах. В этих условиях гибкость и способность к адаптации становятся необходимыми.

Этот опыт высветил и более глубокие структурные проблемы производства знания. Академическая иерархия и традиции дисциплин зачастую приводят к тому, что важность коллективной и экспериментальной работы недооценивается. Между тем профессиональные сети, рефлексивные подходы и трансграничное сотрудничество, как показал опыт, имеют решающее значение для сохранения и развития исторических исследований в условиях вынужденной эмиграции. Отъезд из России при всей его тяжести открыл возможность переосмыслить академическую этику, механизмы циркуляции знания и критерии научной легитимности.

Осмысление трудного прошлого

Контроль над историческим знанием со стороны авторитарных режимов стал одной из центральных тем дискуссий, однако участники подчёркивали, что подобные формы самоцензуры и избегания сложных тем встречаются и в демократических государствах. Если общество замалчивает неудобные темы, такие как имперское наследие, коллаборационизм, точки зрения меньшинств, то поле исторических дискуссий незаметно сужается. Такое умолчание укрепляет практики исключения и формирует конфликтные идентичности. Участники проекта подчёркивали, что исторический плюрализм держится не только на свободе слова, но и на готовности в открытом разговоре встречаться со множеством чужих, неудобных исторических нарративов.

Влияние и перспективы

Проект стал пространством для встреч русскоязычных историков в вынужденной эмиграции: площадкой, где они могли обмениваться опытом, развивать профессиональные связи и искать способы продолжать свою работу. Участники говорили о том, как в России сужается пространство академической свободы, с какими моральными дилеммами сталкиваются историки в изгнании и какие практические решения они находят. Рабочие встречи позволили участникам наладить контакты с коллегами из Северной Европы и стран Балтии, опробовать новые форматы сотрудничества и обсудить общие проблемы. Благодаря этому возникла преемственность академической жизни, и эмигрировавшие из России историки смогли включиться в обсуждение политики памяти в европейском контексте.

Проект оказал влияние по следующим направлениям:

Профессиональное общение и преемственность. Проект предоставил историкам в вынужденной эмиграции возможность наладить прямой диалог с коллегами из северных и балтийских стран, в результате чего возникли совместные инициативы и взаимная поддержка, налажился обмен информацией. Благодаря такому сотрудничеству

исследовательская и общественная работа продолжают даже в нестабильных условиях.

Этика и безопасность исследований. Участники делились способами защиты информантов и коллег, находящихся в России, обсуждали, какие риски связаны с использованием цифровых инструментов и как ответственно работать с архивами, содержащими конфиденциальную информацию. Эти дискуссии помогли выработать общие подходы и укрепили профессиональные стандарты исследований в условиях эмиграции. Для партнёров из Северных стран и стран Балтии они стали источником практического опыта: как принимать и поддерживать учёных, оказавшихся под угрозой.

Публичная история и работа с молодёжью. Проект обратил внимание на необходимость развивать форматы подачи исторического материала, интересные для молодежи: подкасты, интерактивные мероприятия, короткие видео. Такие подходы рассматривались как средство развития критического мышления, исторической грамотности и вовлечения русскоязычной молодёжи в северных и балтийских странах, где она нередко сталкивается с противоречивыми нарративами на разных языках и платформах.

Общественная известность и популяризация истории. Проект сделал заметнее историков в эмиграции: они выступали на открытых мероприятиях, участвовали в публичных лекциях и публиковались в СМИ, от колонок и интервью до аналитических материалов по публичной истории. Через страницы Historians without Borders в Facebook, Instagram и YouTube до широкой публики в северных и балтийских странах стал доходить добросовестный, основанный на фактах исторический анализ по теме проекта.

Глядя в будущее, можно обозначить несколько приоритетов. Краткосрочные меры и возможности должны смениться долгосрочными программами: стабильные стипендии и стажировки, институциональная аффилиация, надёжный доступ к цифровым ресурсам. Сохранение архивов, находящихся под угрозой исчезновения, и активное архивирование изначально цифровых источников требуют инвестиций в оцифровку и развитие возможностей цифрового хранения. Это подразумевает развитие компетенций, практик и инфраструктуры, обеспечивающих долговременную защиту, безопасное хранение и надёжный доступ. На практике это требует своевременного веб-архивирования онлайн-источников, которым может угрожать удаление или блокировка, а также использования зеркальных репозиториях для сохранения доступа.

Образовательные и общественные исторические инициативы должны быть направлены на укрепление критической исторической грамотности, предоставление многоязычных материалов и привлечение молодой аудитории через наиболее часто используемые ею форматы. Важно поддерживать работу диалоговых площадок для регулярного общения, чтобы историки могли продолжать обмениваться опытом, знаниями и мнениями и формировать историческое знание поверх границ.

Проект History in Exile показал, что даже в условиях репрессий и вынужденной эмиграции историческая работа может оставаться устойчивой, критической и общественно значимой. Объединяя профессиональную рефлекссию с просветительской деятельностью, проект заложил основу для более глубокого

трансграничного сотрудничества и для усиления сопротивления политизации истории, которую российское государство, вероятно, продолжит использовать в ближайшие годы.

Литература

- Bækken, Håvard. "Merging the Great Patriotic War and Russian Warfare in Ukraine: A Case-Study of Russian Military Patriotic Clubs in 2022." *Political Research Exchange* 5(1), 2023. <https://doi.org/10.1080/2474736X.2023.2265135>
- Becker, Douglas. "Historical Memory and Public Diplomacy." In *The Routledge Handbook of Public Diplomacy*, edited by Nancy Snow and Nicholas J. Cull, 2nd ed. New York: Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429465543-35>
- Bekus, Natalia. "Memory Wars in Postimperial Settings." *Memory Studies*, 2022. <https://doi.org/10.1177/17506980221134037>
- Haskins, Ekaterina. "Precarious Commons: Archiving Soviet Terror in Contemporary Russia," *Rhetoric Society Quarterly* (2023), <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02773945.2023.2200700>
- Koposov, Nikolay. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Mälksoo, Maria. "'Memory Must Be Defended': Beyond the Politics of Mnemonical Security." *Security Dialogue* 46(3) (2015): 221–237. <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Mälksoo, Maria. "The Postcolonial Moment in Russia's War Against Ukraine." *Journal of Genocide Research* 25, no. 3–4 (2023): 471–481. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2074947>
- McGlynn, Jade. *Memory Makers: The Politics of the Past in Putin's Russia*. London: Bloomsbury Academic, 2023.
- McGlynn, Jade, and Jelena Đureinović. "The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy." *Memory Studies* 16, no. 2 (2023): 227–242. <https://doi.org/10.1177/17506980211073108>
- Tlostanova, Madina. *What Does It Mean to Be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire*. Durham, NC: Duke University Press, 2018.